

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.162.1

DOI: 10.17223/19986645/53/1

Н.Е. Ананьева

ОСТРОВНЫЕ ПОЛЬСКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ

*Анализируются особенности двух островных польских говоров в Сибири, которые представляют собой континуацию разных старых племенных польских диалектов: мазурского материнского диалекта (говор деревень Знаменка и Александровка под Абаканом) и малопольского материнского диалекта (говор деревни Вершина под Иркутском). Так, среди фонетических особенностей, различающих эти два типа переселенческих говоров, рассматриваются: функционирование *o* на месте **ā* в вершинском диалекте, слияние *i* и *y* в знаменско-александровском говоре, асинхронный палатальный ряд губных в диалекте Знаменки и др.*

Ключевые слова: польский язык, польские диалекты, островные говоры, языки и диалекты Сибири, фонетика, морфология, лексика.

Проблема островных (т.е. функционирующих в иноязычном окружении, в данном случае русском) польских диалектов на территории сибирского региона включает в себя решение трехчастного комплекса задач типологического характера:

- 1) установление типа (характера) миграционного процесса, результатом которого явилось возникновение на данной территории польского идиома;
- 2) лингвистическое описание самих типов этих говоров;
- 3) выявление закономерностей воздействия на польские говоры русского идиома, выделение результатов этого воздействия.

Данная статья посвящена главным образом решению второй задачи – лингвистическому описанию типов островных польских говоров Сибири. Что касается типа миграции предков носителей современных польских сибирских диалектов, то он един для всех известных в настоящее время польских анклавов в Сибири: миграция, осуществлявшаяся в рамках реализации аграрных реформ П.А. Столыпина, имела *добровольный* и *экономический* характер. Переселение осуществлялось из районов, где у крестьян было мало земли или ее вообще не было, как, например, у утративших работу вследствие кризиса 1905 г. шахтеров Домбровского угольного бассейна, и не было связано с причинами конфессионального характера (в отличие, например, от переселения русских староверов в Польшу и Латвию). Добровольный характер миграции польского населения в Сибирь отличается, например, от принудительного перемещения носителей польских говоров с территории Украины в Казахстан в конце 30-х гг. XX в.

Так, в частности, возникли польские села Озерное и Степное под Кокчетавом (современный Кокчетай).

На сегодняшний день выявлено три типа островных польских диалектов, предки носителей которых переселились из трех разных польских регионов Российской империи, что и обуславливает их лингвистические особенности. Это говоры, относящиеся к северо-восточной разновидности польского периферийного диалекта, который образовался с участием балтийского и восточнославянского элементов (остатки такого диалекта сохранились в д. Белосток под Томском, и, вероятно, судя по отдельным лексемам, такая же разновидность польского языка функционировала некогда в д. Малиновка под Барнаулом). Второй тип представлен польским анклавом в д. Вершина Боханского района Иркутской области: это диалект юго-западного (малопольско-силезского) типа, его носители являются потомками переселенцев с территории исторической Малой Польши (современной Силезии – из района Домбровского угольного бассейна). Третий территориально-лингвистический тип противоположен второму: это диалект северо-восточного типа (мазурский диалект). На нем говорят жители дд. Знаменка и Александровка под Абаканом (Хакасия и Красноярский край), предки которых переселились в Сибирь с территории Мазовии.

Северо-восточная разновидность периферийного диалекта подробно описана в литературе (в монографиях, словарях и т.п.), поэтому мы ограничимся констатацией того факта, что некоторые польские диалекты в Сибири (в частности, белостоцкий) относятся к говорам подобного типа.

Особенности вершинского и знаменско-александровского говоров в последнее время также нашли отражение в ряде публикаций (например, [1–11, 13–19]), а о говоре д. Вершина даже издана монография С. Митренги-Улитиной [12], описывающая главным образом синхронное состояние диалекта.

Нас интересуют в диалектах переселенцев с территории этнографической Польши в первую очередь признаки «материнского» диалекта, которые и позволяют определить генетический тип говора. Диалекты южного и северного типа дают благодатный материал для конфронтативного описания этих черт с опорой на шкалу дифференциальных признаков К. Нитча, которая релевантна для польских диалектов этнической Польши и несущественна для «кресовых» диалектов. Подобное сопоставительное описание двух островных польских диалектов, генетически связанных с диаметрально противоположными «материнскими» ареалами (север и юг этнографической Польши) проводится впервые в польской диалектологии и, таким образом, относится к новому (конфронтативному) направлению в изучении переселенческих польских диалектов. Итак, сопоставим ряд признаков говора Вершины и говора Знаменки-Александровки.

1. В вершинском диалекте представлено *o* на месте **ā*, а также в результате аналогических процессов: *trova* – литер. *trawa* «трава», *cytom* – литер. *czytam* «я читаю», *jo* – литер. *ja* «я», *tyl'e l'ot* – литер. *tyle lat* «столько лет», *copk'i* – литер. *czapki* «шапки», *mo tam syna* – литер. *ma tam syna*

«у нее там сын». В мазурском знаменско-александровском говоре слились континуанты **ā* и **ā̃* в звуке *a*: *ja* = литер. *ja*, *lat* = литер. *lat*, *pomagam* = литер. *romagam* «я помогаю», *gada* = литер. *gada* «болтает» и т.п.

2. В обоих типах (северо-восточном и юго-западном) отмечается *i / y* на месте **ē* и как результат аналогии, а в вершинском диалекте также представлено сужение *e* перед носовым согласным. Примеры: *dop'iro* – литер. *dopiero* «только», *p'in'inzy* – литер. *pieniędzy* (родит. мн.) «денег», *jo n'e v'im* – литер. *ja nie wiem* «я не знаю», *żiń* – литер. *dzień* «день», *xl'ip* // *xlyp* – литер. *chleb* «хлеб», *ożyn'il še* – литер. *ożenił się* «женился», *tyś* – литер. *też* «также», *tyń* – литер. *ten* «этот» (Вершина); *n'i ma* (// *n'e*) «нет, букв. не имеет», *xl'ip* – литер. *chleb* «хлеб», *jicta* – литер. *jedzcie* «ешьте», *bżidno* – литер. *biednie* «бедно», *špšivać* – литер. *śpiewać* «петь», *kobżyta* – литер. *kobieta* «женщина», *v'ita* – литер. *wiecie* «вы знаете», *ml'iko* – литер. *mleko* «молоко» (Знаменка).

3. Континуант **ō*, а также *o* перед носовым согласным в вершинском диалекте сужаются: *dum* – литер. *dom* «дом», *do dumu* – литер. *do domu* «домой», *f tym dumu* – литер. *w tym domu* «в этом доме», *na kun'ax* – литер. *na koniach* «на лошадях», *po tej strun'e* – литер. *po tej stronie* «по этой стороне», *tumu* – литер. *tam* «мы имеем, у нас есть» и *tum* «я имею, у меня есть» (в последних двух примерах процесс шел следующим образом: **ā > o > u* перед носовым согласным; то же отмечается и в других глаголах диалектного *om*-спряжения: *naživum* «nadziewam» и т.п.), *un* – литер. *on* «он», *una* – литер. *ona* «она», *uny* – архаизм *ony* «они», *f tamtym kuńcu* – литер. *w tamtym końcu* «в том конце», *na kuńcu* – литер. *na końcu* «на конце», *kumu zeżył* – литер. *komu uszył* «кому сшил». Отмечается также обычно сужение *o* после заднеязычных и губных согласных: *póxovany* – литер. *pochoowany* «похороненный», *vujuvać* – литер. *wojował* «воевал». В знаменско-александровском говоре также фиксируются формы типа *dum* (v *dumu*), *un*, *kótl'ety*, *Pól'acka* «Polaczka» (литер. *Polka* «полька»), *Pól'ak* – литер. *Polak* «поляк», *pomagam* – литер. *romagam* «я помогаю».

4. В обоих типах диалектов представлены суженные континуанты носовых гласных, причем в вершинском диалекте отмечена более высокая степень суженности, а также обычная репрезентация конечного континуанта носового заднего ряда бифонемным сочетанием *-um* (реже *-un* или *-o*).

Примеры из говора Вершины: *pin'in'zy*, v *rynka*х – литер. *w rękach* «в руках», *m'in'k'e* – литер. *miękkie* «мягкие», *fevral'a m'es'unca* – литер. *lutego miesiąca* «февраля месяца», *uny gryzum* // *gryzun* – литер. *one gryzą* «они кусаются», *pşyv'ezum* – литер. *przywiozą* «привезут», *sum* – литер. *są* «суть, являются», *żimum* – литер. *zimą* «зимой», *kuxarko była* – литер. *kucharką* «была кухаркой», *gunsk'i nazyvajo* – литер. *gąski* (иное значение) *nazywają* «гусеницы называют».

Примеры из знаменско-александровского диалекта: *m'ešunc* – литер. *miesiąc* «месяц», *żećontko* – литер. *dzieciatko* «ребенок», *skont* – литер. *skąd* «откуда», *robżo* – литер. *robią* «делают», *krašu* – литер. устар. *kraszą* «красят», *pol'ovajo* – литер. *polewają* «поливают», *beńżeta* – литер. *będziecie*

«будете», *žešeńć* – литер. *dziesięć* «десять», *jenzyk* – литер. *język* «язык», *žencej* – литер. *więcej* «больше», *šv'enta* // *švynta* – литер. *święta* «праздники», *na m'insu* – литер. *na mięso* «на мясо». На конце слова континуант носового переднего ряда в обоих типах говоров обычно представлен *-e*: вин. п. ед. ч. *trove* – литер. *trawę* «траву», 1 л. ед. ч. презенса *choze* – литер. *chodzę* «я хожу» (Вершина); вин. п. ед. ч. *pušn'ine* (русизм «пушнина»), *troxe* – литер. *trochę* «немного», *tam šę rožiła ja* – литер. *tam się urodziłam* «я там родилась», *ja pokaze* – литер. *pokażę*, *prose* – литер. *proszę* «я прошу; пожалуйста» (Знаменка).

В вершинском диалекте, с одной стороны, представлено отсутствие ринезма в парадигме будущего времени глагола *być* (*bydę*, *byżeś* – литер. «będę», «będziesz»), а с другой – формы с вторичной (неэтимологической) носовостью типа *jinžoro* – литер. *jezioro* «озеро», *jaŋgres* – литер. *agrest* «крыжовник».

5. Если в вершинском диалекте дифференцируются *i* и *y*, то в мазурском знаменско-александровском говоре представлена типичная черта севера Польши: слияние *i* и *y* в одном звуке, который имеет разную степень сужения по идиолектам (*i*, *y'*). У отмечается на месте **ē*. Примеры: *skont vi?* – *skąd wy?* «откуда вы?», *mi* – литер. *my* «мы», *sin* – литер. *syn* «сын», *duzi* – литер. *duży* «большой», *pl'iva* – литер. *pływa* «плавает». Эта особенность влияет на вид флексии 1 л. мн. ч. презенса глаголов ам-спряжения (*-ami*: *sazami* «мы сажаем», *vušazami* «мы высаживаем», *kupami* «мы покупаем», литер. *kupiemy*, *zabacami* «мы забываем»).

6. Если в говоре Вершины представлен совпадающий с литературным способ артикуляции палатального ряда губных (синхронная йотовая артикуляция или выделение *j* после губного), то в Знаменке-Александровке фиксируется последняя стадия асинхронного типа произношения, при которой фриктивный призвук или отвердевает, или становится единственным континуантом губного палатального (т.е. губная артикуляция утрачивается). Примеры: *kš'aty* – литер. *kwiaty* «цветы», *kobžyta* – литер. *kobieta* «женщина», *robžo* – литер. *robią* «делают», *Žel'ganoc* – литер. *Wielkanoc* «Пасха», *žadro* – литер. *wiadro* «ведро», *žencej* – литер. *więcej* «больше», *žen'a* – литер. *ziemia* «земля», *pan'entam* – литер. *pamiętam* «я помню», *pšyžezl'i* – литер. *przywleźli* «привезли», *gotožym* (русизм «готовим», литер. *gotujemy*). Эта особенность не только повлияла на звуковой облик слов, но и повлекла за собой морфологические и морфонологические последствия: функционирование флексии дат. п. ед. ч. м. р. *-ožu* (из *-ov'u*) и чередования «губной: š» в парадигме существительных женского рода на *-a*: *Moskva* ~ *Moskše* (ср.: *v Moskše to kupata ml'iko?* «В Москве покупается молоко?»). Отмечена также характерная для мазовецких говоров с асинхронным типом произношения палатального ряда губных форма с парадоксальным отверждением *v* в группе **s'v'*: *švynta* – литер. *święta*.

7. Если в мазурском знаменско-александровском диалекте представлено полное мазурение, *s*, *z*, *c*, *ž* на месте литературных соответствий *sz*, *ż*, *cz*, *dż* (*prose* – литер. *proszę*, *moze* – литер. *może* «может», *duzo* – литер. *dużo* «мно-

го», *ja pokaze* – литер. *pokażę*, *zijo* – литер. *żyją* «живут», *zabacil'i jenzyk* – литер. *zapomnieli język* «забыли язык», в диалектах без мазурения *zabaczyli*, *obacita* – литер. *zobaczycie* «увидите», *vnucka* – литер. *wnuczka* «внучка»), то в вершинском диалекте мазурение зафиксировано только для глухой аффрикаты: *c < cz* (*copka* – литер. *czapka* «шапка», *vnucka* – литер. *wnuczka* и т.д.). Кроме того, в Знаменке отмечается такое явление, как наличие твердых (или полумягких) *ž* и *š* на месте *ż* и *ś* (разновидность сяканья – своеобразное «шаканье»): *šostra* – литер. *siostra* «сестра», русизм *fšo, fše* «всё», «все», *špševajo* – литер. *śpiewają*, *še* – литер. *się* «-ся, -сь», *zaleže* – литер. *zalezie* «залезет», *ženi* – литер. *ziemi* «земли». Реже встречается *ž* на месте *ż* (*žešeńc* – литер. *dziesięć* «десять»). Таким образом, несмотря на мазурение, в говоре представлена довольно высокая фреквентность звуков *ž* и *š*: результаты асинхронного типа произношения палатальных губных и «шаканья», на месте **r'*, в заимствованиях (ср. германизм *šurek* «мальчик»).

8. Звонкому типу сандхи вершинского диалекта (в том числе генетически составных форм типа *jezdem* – литер. *jestem* «я есть», *huzem* – литер. *niosłem* «я нес») соответствует глухой тип сандхи мазурского говора, совпадающий с типом межсловной фонетики литературного польского языка.

9. Хотя в говоре Знаменки-Александровки мы встречаем отдельные случаи выпадения согласных (ср. *tera* – литер. *teraz* «сейчас»), в вершинском диалекте это явление представлено гораздо шире. Особенно часто оно отмечается для согласного *t*: *xop* – литер. *chłop*, здесь «муж», *sup* – литер. *ślup* «столб».

10. Если в вершинском говоре отсутствует чередование *e : o* (*m'etla* – литер. *miotła* «метла», *b'ere* – литер. *biore* «я беру», *b'erum* – литер. *biora* «берут», *n'ese* – литер. *niosę* «я несу», *n'esum* – литер. *niosą*, 2 л. ед. ч. императива *b'er!* – литер. *bierz!* «бери!»), то у носителей знаменско-александровского диалекта условия этого чередования даже шире, чем в литературном языке. Альтернант *o* представлен не только перед *t, d, s, z, n, r, l*, но и перед *k*: *pšoke* – литер. *piekę* «я пеку», *pšeces* – литер. *pieczecz* «ты печешь», *pšece* – литер. *piecze* «печет», *pšeceta* – литер. *pieczecie* «вы печете», *pšoko* – литер. *pieką* «пекут». Ср. также лексически изолированные случаи с *o*, которому соответствует *e* литературного языка (*oblovajo* – литер. *oblewają* «обливают»). С другой стороны, в Знаменке отмечаются отдельные примеры с отсутствием чередования *e : a* (ср. 3 л. ед. ч. *pšujaje* – литер. *przyjedzie* «приедет»).

11. В Знаменке зафиксированы формы с мягким *g* перед континуантом переднего ряда (мог'е – литер. *możę* «я могу») – проявление характерной мазовецкой черты.

12. В говоре Знаменки-Александровки отмечаются типичные мазовецкие формы с сужением *a* в *e* после *j* (*jek* – литер. *jak* «как») и в группе *ar* (*pomer, pomerl'i* – литер. *romał, romałi* «умер, умерли»).

13. Типично северному употреблению числительного *dwa* для всех родов в Знаменке (*dva šostry, dwa domy, dwa gożiny*) соответствует совпада-

ющая с литературным языком вершинская оппозиция *dwa* (м. и ср. р.) ~ *dwie* (ж. р.): *dv'e curk'i*.

14. Наличие специфических морфем.

1) Характерной мазовецкой флексии дат. п. ед. ч. м. р. контаминационного происхождения *-ożi* (*u* из **ō*-основ, сегмент *oż* < *ov'* из **ū*-основ) в говоре Знаменки-Александровки соответствует совпадающая с литературным языком флексия **ū*-основ *-ov'i* (*pastuxovi* «пастуху») в Вершине.

2) Глагольному архаическому показателю итеративности *-iva* (< *owa*) вершинского говора соответствует мазовецкое *-yva* / *-iva* в знаменско-александровском говоре.

3) В знаменском говоре отсутствуют образования с суффиксом *-k* типа *do terazka* «до настоящего времени» (от *teraz* «сейчас»), характерные для говора Вершины.

4) Глагольные окончания презенса и императива в 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.

В Вершине в 1 л. мн. ч. представлена во всех типах спряжения флексия *-my* (*my* – литер. *my* «мы имеем, у нас есть», *kuپیmy* – литер. *kuپیemy* «мы покупаем», *gotov'iny* – литер. *gotujemy* «мы готовим»), а в Знаменке флексии дифференцируются в зависимости от типа спряжения: глаголы, соответствующие глаголам 1-го и 2-го спряжений литературного языка, имеют флексию *-m* (*gotożym* – литер. *gotujemy* «мы готовим», *potuyim* – литер. *potujemy* «мы помоем», *vażym* – литер. *warzemy* – литер. «мы варим», *my šeżim razem* – литер. *razem siedzimy* «мы сидим вместе», *n'e żyjim* – литер. *nie żyjemy* «мы не живем» и т.п.), а глаголы атспряжения (и, вероятно, етспряжения) – флексию *-ami* (*kuپیami* – литер. *kuپیemy* «мы покупаем», *wysazami* – литер. *wysadzamy* «мы высаживаем» и т.д.). Во 2-м л. мн. ч. презенса и императива в Вершине представлена совпадающая с флексией литературного языка морфема *-će*, а в говоре Знаменки – окончание *-ta* (*kupata* – литер. *kuپیacie* «вы покупаете», *vita* – литер. *wiecie* «вы знаете», *pśuxoćta* – литер. *przychodźcie* «приходите», *choćta* – литер. *chodźcie* «идите», *jic̥ta* – литер. *jedzcie* «вы ешьте», *poprubujta* – литер. *popróbujcie* «вы попробуйте» и т.д.).

15. В каждом из сопоставляемых диалектных анклавов сохранились типичные лексемы, восходящие к их «материнским» диалектам, в том числе и заимствованные. Малопольские *xab'ina* «ветка», *gażina* «скот, скотина», *kaj* «где, куда», *k'ej* «когда» (и образованные от них неопределенные наречия *kajś* и *k'ejś*), *tatarka* «гречиха», малопольско-силезские *żoцxa* «девочка, девушка», словакизмы *цоху́не* «голубика», *rusy* «тараканы», *modżyn* «лиственница», германизмы *bunĳ* «внебрачный ребенок» и *fest* «крепко, сильно; быстро», название блюда *pażibroda* «капуста, приготовленная на молоке», *plaxta* «простыня», *gunska* «гусеница» в Вершине. Лексемы *kokos* «петух» (*kokosz*), *prosek* «приглашающий на свадьбу» (*proszek*), *zabacać* «забыть», многочисленные локальные германизмы (*gruska* «бабушка», *gruzek* «дедушка», *šurek* «мальчик», *šrank* «шкаф», *reb'iska* «терка» и *rybak'i* «драники», *brak* «надо» и др.) в говоре Знаменки. Подробнее о германизмах в польских говорах Сибири см. [8].

Третий комплекс проблем связан с воздействием русского языка как в его диалектной, так и в литературной форме. Результатом влияния окружающих русских говоров является, например, функционирование в вершинском диалекте слов *paževaška* «рубашка», *véxotka* «мочалка», *čirk'i* «род обуви», восходящей к бурятскому, но пришедшей из русских говоров лексемы *tarasún* «самогон», и др. Заметим, что выявлено три следствия воздействия русского идиома на сибирские польские говоры, которые, по всей видимости, относятся вообще к контактологическим универсалиям:

1) утрата исконной лексемы или словоформы и замена ее иноязычной (в данном случае русской); ср. утрату польских названий месяцев в обоих сопоставляемых диалектах и замену их русскими эквивалентами или утрату под воздействием русского языка личных окончаний в глагольных формах прошедшего времени (*ja pošet* – литер. *poszedłem*, *ty pošli* – литер. *poszliśmy* и т.д.);

2) возрастание числа изофункциональных вариантов, например: *tak* // *da*, *navet* // *daže*, *barzo* // *očeń* и под.;

3) появление гибридных форм, представляющих собой объединение в рамках одной словоформы элементов контактирующих языков, в данном случае русского и польского. Ср. в русизме *otv'eca* «отвечает» представлены польские фонетическая (мазурение) и морфологическая особенности (флексия 3 л. ед. ч. презенса глаголов ам-спряжения -a). Подробнее о разных типах гибридных образований в островных польских говорах Сибири см., например, в [2].

Таким образом, исследование лингвистических особенностей двух островных польских говоров, функционирующих в сибирском регионе, показало, что, несмотря на взаимодействие с окружающим русским идиомом (как в его диалектной, так и литературной формах), эти говоры сохраняют основные черты их генетической принадлежности к двум противоположным диалектным массивам этнографической Польши (северному для говора Знаменки и Александровки и южному для говора Вершины). Это относится в полной мере к фонетическим и морфологическим диалектным признакам, а также частично и к лексической подсистеме, в которой наряду с исконными лексемами, восходящими к малопольскому (Вершина) и мазурскому (Знаменка-Александровка) ареалам, отмечаются заимствования, проникшие в эти говоры в период, предшествующий переселению их носителей на территорию Сибири (словакизмы в говоре Вершины, германизмы в говоре Знаменки-Александровки). Завершая наш анализ, подчеркнем, что изучение полоноязычных анклавов в Сибири, имеющее значение не только для польской диалектологии, но и для контактологии, нужно осуществлять как можно скорее и интенсивнее, поскольку число этих анклавов уменьшается (ср. судьбу д. Белосток, в которой в настоящее время только одна жительница – М. Маркиш – сохранила родной польский диалект).

Литература

1. Ананьева Н.Е. Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии 16:

Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.

2. Ананьева Н.Е. Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов, Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.

3. Ананьева Н.Е. Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. М., 2015. Кн. 2. С. 9–18.

4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 25–60.

5. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.

6. Гольцекер Ю.П. Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири // *Interferencje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny* // *Rozprawy Slawistyczne*. 4. Lublin, 1989. S. 133–147.

7. Гольцекер Ю.П. Тексты из села Вершина (Иркутская область) // *Studia nad polszczyzną kresową*. Wrocław, 1991. T. 6. S. 209–212.

8. Пасько Д. Польский островной диалект жителей дер. Вершина в Сибири // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 72–80.

9. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.

10. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 40–53.

11. Ananiewa N. Niektóre właściwości gwary wyspowej na Syberii // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. T. 58. Łódź. S. 5–13.

12. Ananiewa N.E. Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // *Gwary dziś*. Poznań, 2015. T. 7. S. 169–175.

13. Decyk W. Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna // *Poradnik Językowy*. 1995. Z. 8. S. 20–30.

14. Decyk W. Uwagi o języku społeczności polskiej w Rosji // *Język polski poza granicami kraju*. Opole, 1997. S. 109–123.

15. Figura L. Historia i teraźniejszość polskiej syberyjskiej wsi // *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii*. Kraków, 2003. S. 71–132.

16. Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.

17. Stupiński E. Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. Łódź, 2008. T. 53. S. 207–217.

18. Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. Łódź, 2009. T. 54. S. 197–204.

19. Umińska A. Polskie cechy fonetyczne i leksykalne wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia) // *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Toruń, 2013. S. 27–42.

THE INSULAR POLISH DIALECTS IN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 53. 5–14. DOI: 10.17223/19986645/53/1

Nataliya E. Ananieva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ananeva.46@mail.ru / slaylang.msu@gmail.com

Keywords: Polish, Polish dialects, insular dialects, languages and dialects of Siberia, phonetic, morphological and lexical features.

In this article, the features of two insular Polish dialects in Siberia are analyzed. The dialects continue old tribal dialects and have different initial systems: the Mazursky mother dialect in the villages Znamenka and Aleksandrovka near Abakhan and the Malopolsky one in the village Verzhina near Irkutsk. The peculiarities of the above mentioned dialects caused by their origin include phonetic, morphological, morphonological, word-building and lexical

ones. For example, typical words (borrowings included) originated from the mother dialects are the following:

- in the dialect of the village Vershina Lesser Polish *xab'ina* “branch”, *gażina* “cattle”, Slovakisms *rusy* “croaches”, *moździer* “larch”, Germanisms *buńk* “natural”, *fest* “firmly, fast” and others;

- in the dialect of the village Znamenka Masovets words *kokos* “cock”, *zabacać* “to forget”, local Germanisms *gruska* “Granny”, *gruzek* “Grandpa”, *brak* “must”, *šurek* “boy”, *rybak* “i” “potato pancakes” and others.

Among the phonetic features there are, for example, the following: *o* as the continuation of **ā* in the dialect of the village Vershina (*jo* – pronoun “I”, *cytom* “I read”) and *a* as the continuation of **ā* and **ǣ* in the dialect of Znamenka (*ja* – pronoun “I”, *pomagam* “I help”); *i* as the continuation of *i* and *y* in the dialect of Znamenka (*sin* “son”) and the functioning of both *i* and *y* in the dialect of the village Vershina (*syn* “son”); the functioning of *s*, *z*, *c*, *ż* instead of *sz*, *ż*, *cz*, *dż* in the dialect of the village Znamenka (*duzo* “many”, *prose* “I beg”, “please”, *capka* “cap”) and the functioning of only *c* instead of *cz* in the dialect of the village Vershina (*copka* “cap”, but *duzo* “many”), and others.

The article also considers the results of the interaction of the given Polish dialects with the Russian language both in spoken and literary forms. Three consequences of the influence of the Russian language on the Siberian Polish dialects which have a universal character have been pointed out, namely:

1) the loss of the indigenous word or word form and their substitution by another language (in this case the Russian one); for example, the loss of Polish names of the months in the both dialects compared and their substitution by the Russian equivalents, or the loss under the influence of the Russian language of the personal endings in the forms of the Past tense like *ja pošet* – literary “poszedłem”, *my pošl'i* – literary “poszliśmy”, and so on);

2) the increasing number of the isofunctional variations, for example, *navet* // *daže*, *barzo* // *očeń* and the like;

3) the appearance of hybrid forms that combine elements of the contacting languages (in our case the Russian and Polish ones) in the frame of a single word form; for example, in the Russianism *otv'eca* “replies”. Polish phonetic (*c* instead of *ć*) and morphological (the third personal singular ending of the Present tense verbs am-conjugation -*a*) peculiarities are represented.

References

1. Anan'eva, N.E. (2013) Morfologiya glagola v pol'skom govore derevni Vershina Bokhanskogo rayona Irkutskoy oblasti [Morphology of the verb in the Polish dialect of the village Vershina of the Bokhansky district of Irkutsk Oblast]. In: Kalnyn, L.E. (ed.) *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. 16. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN.
2. Anan'eva, N.E. (2013) Tipologiya pol'skikh govorov Sibiri i rezul'taty ikh kontaktov s russkim idiomom [Typology of the Polish dialects of Siberia and the results of their contacts with the Russian idiom]. In: Moldovan, A.M. & Tolstaya, S.M. (eds) *Slavyanskoe yazykoznanie: XV Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov, Minsk, 2013 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic Linguistics: XV International Congress of Slavists, Minsk, 2013 Reports of the Russian delegation]. Moscow: Indrik.
3. Anan'eva, N.E. (2015) Ostrovnoy pol'skiy dialekt [An insular Polish dialect]. In: Neshchimenko, G. P. (ed.) *Aktual'nye etnolyazykovye i etnokul'turnye problemy sovremennosti* [Topical ethnolinguistic and ethnocultural problems of the present time]. Book 2. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
4. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Mono- and multilingualism]. *Novoe v lingvistike*. 6. pp. 25–60.

5. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty: Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: The state and problems of the study]. Kiev: Vishcha shkola.
6. Gol'tseker, Yu.P. (1989) Iz nablyudeniy nad osobennostyami pol'skogo govora sela Vershina v Sibiri [From observations of the peculiarities of the Polish dialect of Vershina village in Siberia]. *Rozprawy Slawistyczne*. 4. pp. 133–147.
7. Gol'tseker, Yu.P. (1991) Teksty iz sela Vershina (Irkutskaya oblast') [Texts from the village Vershina (Irkutsk Oblast)]. *Studia nad polszczyzną kresową*. 6. pp. 209–212.
8. Pas'ko, D. (2011) Pol'skiy ostrovnoy dialekt zHITELEY der. Vershina v Sibiri [Polish insular dialect of the inhabitants of the village Vershina in Siberia]. In: Volos, M. et al. (eds) *Russko-pol'skie yazykovye, literaturnye i kul'turnye kontakty* [Russian-Polish language, literary and cultural contacts]. Moscow: Kvadriga.
9. Plotnikova, A.A. (2016) *Slavyanskije ostrovnye arealy: arkhaika i innovatsii* [Slavic territorial areas: the archaic and innovations]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS.
10. Shcherba, L.V. (1958) *Izbrannye raboty po yazykoznaniiu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University. pp. 40–53.
11. Ananiewa, N. (2012) Niektóre właściwości gwary wyspowej na Syberii [Some properties of the insular dialect in Siberia]. *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. 58. pp. 5–13.
12. Ananiewa, N.E. (2015) Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii [Lexical Germanisms in two Polish insular dialects in Siberia]. *Gwary dziś*. 7. pp. 169–175.
13. Decyk, W. (1995) Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna [An attempt to describe the Polish dialect in the village Vershina]. *Poradnik Językowy*. 8. pp. 20–30.
14. Decyk, W. (1997) Uwagi o języku społeczności polskiej w Rosji [Remarks about the language of the Polish community in Russia]. In: Dubisz, S. (ed.) *Język polski poza granicami kraju* [The Polish language outside the country]. Opole: Uniwersytet Opolski.
15. Figura, L. (2003) Historia i teraźniejszość polskiej syberyjskiej wsi [The history and the present of the Polish Siberian village]. In: Nowicka, E. & Głowacka-Grajper, M. (eds) *Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii* [Vershina: from close and distant. Images of a Polish village in Siberia]. Kraków: Nomos.
16. Mitrenga-Ulitina, S. (2015) *Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii* [The Polish language of the inhabitants of the village Vershina in Siberia]. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
17. Stupiński, E. (2008) Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska [Genesis of the Polish language in Krasnoyarsk Krai]. *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. 53. pp. 207–217.
18. Stupiński, E. (2009) Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska [East Slavic influences on the Polish area of Krasnoyarsk Krai]. *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*. 54. pp. 197–204.
19. Umińska, A. (2013) Polskie cechy fonetyczne i leksykalne wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia) [Polish phonetic and lexical features of the village Vershina (Eastern Siberia)]. In: Nowicka, E. & Głuszkowski, M. (eds) *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe* [Slavic linguistic and cultural islands]. Toruń: Eikon.